

Андрей Семке

Непридуманые истории

Короткие рассказы. Продолжение

Андрей Семке
Непридуманые
истории. Короткие
рассказы. Продолжение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056988

ISBN 9785448585517

Аннотация

Истории о моей жизни, о судьбе моих родителей, о дружбе и любви, о жизни и счастливой судьбе, о настоящем и прошлом, о зле и добре, грустные и весёлые, о СССР и современной России.

Содержание

Память	5
Жить	24
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Непридуманнные истории

Короткие рассказы.

Продолжение

Андрей Семке

© Андрей Семке, 2017

ISBN 978-5-4485-8551-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Память

Эту историю нам поведала одна удивительная женщина, экскурсовод и историк-краевед от бога. Всю жизнь она занималась загадками маленького городка, на берегу Азовского моря. Ейские тайны после придирчивого взгляда со стороны талантливого человека, тщательного исследования и анализа документов, рассказов свидетелей открывались и становились общедоступными.

Казалось, что эта красивая и умная женщина могла рассказать обо всех достопримечательностях портового и купеческого городка, когда-то благословлённого великим графом Воронцовым. На любой, даже самый сложный вопрос публики, она знала ответ. Её легенды и документальные истории увлекали внимание и становились интересными переказами за семейным столом. Именно за эти качества руководство городка уважало и любило этого почитателя истории, именно за талант и надёжность ей поручали порой проводить экскурсии для самых важных и значимых гостей.

Так однажды к нам в город пожаловал мэр Риги. Молодой симпатичный парень с жёлтой копной волос на голове был печален и уныл. Рассказы об истории и краеведении его не сильно занимали, поездка в шикарном автомобиле по улицам старинного городка ему была в тягость. А наша знакомая из кожи вон лезла, чтобы захватить внимание чужестранца.

В один миг её состояние непонимания собеседника достигло апогея, и она спросила, что ему было бы интересно. Посетитель вдохновился и рассказал историю про своего деда. Оказалось, что семейные корни большого руководителя столицы Латвии находятся в Ейске. Дедушка с бабушкой жили в одном из старых домов, и всё было бы хорошо, если бы не война. В город вошли фашисты, и дедушка ушёл в партизаны. В одной из боевых вылазок его схватила зондеркоманда, впоследствии его расстреляли и закопали в братской могиле. Юноша хотел побывать на этом месте.

Милая экскурсовод оказалась в замешательстве. Об этой истории она знала всё до мелочей. Но современный город поглотил и многие старинные здания, и братское захоронение, на месте которого, сегодня находится церковный зоопарк с небольшим прудом. Единственным местом, куда перенесли останки расстрелянных фашистами партизан, оставалась площадь Революции, которая объединила могилы погибших в начале 20 века во время ноябрьского переворота с погибшими в годы Великой Отечественной войны.

Автомобиль передвигался по мостовой улице в сторону захоронения, а у историка в голове одна мысль: «Есть ли на мраморных плитах фамилия деда молодого мэра Риги?». Чем ближе подъезжала машина к Площади Героев, тем большее волнение наступало в салоне. Сердце парня трепетало от возможности прикоснуться к истории своей семьи, к героическим дням дедушки. Сердце экскурсовода клокотало

от возможного конфуза перед большим гостем.

И вот развязка истории. Большая площадь, в центре горит вечный огонь. Вокруг море гвоздик и венков. От центра в левую и правую сторону расположены мемориальные мраморные плиты, на которых тысячи имен погибших в годы революции и Великой Отечественной. Медленно читая фамилию за фамилией, пара передвигалась от одной плиты к другой. Напряжение нарастало. На предпоследней плите среди сотен других имен была высечена фамилия деда высокопоставленного гостя из Прибалтики. Слёзы гордости и трепета катились по щекам мэра. Слёзы от нервного стресса и длительного волнения катились по щекам экскурсовода. Молодой парень быстро подошёл к машине и достал огромный букет, который возложил рядом с гвоздиками. На фоне Вечного огня ярко пылал огромный красный из роз символ памяти.

Затем такой же букет он возложил к могиле умерщвлённым в душегубке детям из интерната. А потом долго и подробно рассказывал по телефону своей матери о путешествии в Ейск и о том, как он побывал на могиле своего деда-героя. Его лицо было светлым и счастливым. Память о наших предках – она и в Прибалтике ПАМЯТЬ!

Обстоятельства

Эту историю мне рассказал родной дядя, во время своего восьмидесятилетнего юбилея. Когда он вспоминал события того времени, по его мужским щетинистым щекам текли

слёзы...

В послевоенные годы нужно было отвлечь детей от холода и голода, от разрухи и потери близких. Быстрыми темпами открывались школы, в которых не хватало ни учебников, ни тетрадей, ни чернил, ни тепла, ни учителей. В одном далёком узбекском ауле открылась такая восьмилетка. В одном классе за партами сидели родные сёстры и братья, порой с разницей в возрасте четыре, пять лет...

Меня посадили в шестой класс. Вместе со мной учились две сестры по фамилии Кондрашovy: Зоя и Надя. Они были абсолютно разные. Одна худая-худая, в ней что-то было дистрофичное, но личико было умным и милым. Другая была полной противоположностью, отличалась круглым лицом, крупной талией, такая девочка-квадрат. Девчонки оказались большими трудягами, и в учёбе они были лучшими из нас. У них всё спорилось, хватало они с лёту любой учебный материал. Учителя радовались их успехам, но и ученики были довольны близким знакомством со школьницами-умницами. Они не были зазнайками и всегда приходили одноклассникам на помощь в трудную минуту. За это их все ребята уважали.

Наступила жутко холодная зима. До школы необходимо было добираться пешком несколько километров. С девчонками-сёстрами начались какие-то непонятные истории. Один день в школе Зоя, а Нади при этом нет. На следующий день в школу приходит Наденька, а Зойка остаётся до-

ма. Потом опять худышка приходит, а её сестра отсутствует. И так продолжалось несколько дней, пока учитель математики Панайот Николаевич, грек по национальности, очень интеллигентный и добрый человек, не заинтересовался этой ситуацией. Начал он расспрашивать старшую: «В чём проблемы, что случилось?». Та в ответ либо молчала, либо говорила о каких-то волшебных болезнях сестры. На следующий день учитель опросил младшую, та ничего вразумительного не сказала.

Тогда математик решил сходить к директору школы. Рассказав о непредвиденной и необычной ситуации, они вместе решили посетить дом школьниц. И вечером того же дня отправились к девочкам по трескучему морозу директор, учитель математики и то ли комсорг, то ли профорг.

Такой бедноты наши посетители не видели давно. Оказалось, что отца наших одноклассниц убило на войне. В доме кроме сестёр еще жила младшая детвора. Мать делала всё, что в этой ситуации возможно. Нанималась на несколько работ, брала подработку домой, но денег хватало только на пропитание. Поэтому у старших её дочек было пальто одно на двоих. Вот и ходили они в школу по очереди. Одна прослушает уроки, а потом другую дома учит. На следующий день сёстры менялись местами.

Стыдно стало директору с коллегами за создавшуюся ситуацию. Что делать? Вокруг разруха, голод, холод. Сами еле-еле концы с концами сводят. А одежду в то время найти бы-

ло ох как нелегко. Выход из ситуации придумал то ли проф-орг, то ли комсорг, он предложил обратиться на предприятие. Пришли наши ходоки к начальнику железной дороги. Он был тронут обстоятельствами, связанными с девчонками, но решить вопрос с амуницией не мог. На помощь пришёл начальник склада. Он выписал на мать спецодежду: фуфайку и ватные штаны. А заодно принял её на работу обходчицей.

Со следующего дня одна из сестёр пришла в школу в огромной ватной фуфайке и тяжёлых рабочих, но очень тёплых штанах. На неё невозможно было смотреть без улыбки, но ни один ребёнок в школе не смеялся над ней. Все понимали и сочувствовали...

А через несколько лет Зоя стала учителем, хорошим педагогом, таким, что её назначили управлять всей системой образования района. А её старшая сестра бросила школу, быстро вышла замуж, а потом до самой старости заведовала почтовым отделением в ауле...

Мой дядя стал орденоносцем, прославлял шахтёрскую работу на всех уровнях, но всегда он говорил с теплотой и нежностью о своих послевоенных учителях, и всегда на его жестких, мускулистых щеках текли мужские слёзы...

Первоначально мы не заметили никакой строгости в пересечении границы города. Большие КПП с медленно передвигающимся транспортом. Военные, которые периодически досматривали автотранспорт, не более того. Наш автобус, к примеру, даже не досматривали, в салон вошёл авто-

матчи́к огляде́л всех по́верх голо́в и бы́л тако́в.

Так мы впервые попали на территорию атомного города. По большому счёту город как город. Дома типовые, магазины, как в обычных населённых пунктах, люди дышат тем же воздухом, живут теми же идеями и проблемами. Мы побывали в храмах и монастырях, в ледяной пещере и сходили в музей ядерного оружия. Несколько раз пересекали границу на автобусе, выезжая на различные экскурсии, и ни разу у нас не попросили документы, паспорта, справки.

В последний день всё шло как обычно, готовились к отъезду на железнодорожный вокзал. Мы собрали все вещи, а так как с нами был маленький сын, то одежды было много. Зная, что документы на ребёнка у нас не проверяли ни разу, упаковали их и уложили на дно чемодана. Свои же паспорта оставили при себе.

Вдруг на границе города потребовали всех выйти из автобуса и приготовить документы. Мы в надежде на то, что данная акция – абсолютная формальность, пошли вместе с сыном к стойке контроля. Нас с женой представитель власти быстро пропустил, а вот с ребёнком произошёл казус. Его не выпускали за пределы пункта контроля. Мы начали объяснять ситуацию, что свидетельство о рождении в автобусе в чемодане, что в наших паспортах вписаны данные сына, но блюстители порядка ничего не хотели слышать.

Корбаска

В 1939 году внезапно по приказу Сталина летную боевую

дивизию из Кировограда в Украине начали перебрасывать в Узбекистан. Серёже тогда едва исполнилось два года, и всё что будет описано в этом повествовании, ему рассказала мама, Софья Михайловна, жена военного лётчика по воле судьбы...

Эшелоны стояли на вокзале, готовые к отправке. На открытых платформах были закреплены разобранные зелёные с красными на боках звёздами фюзеляжи самолётов. Отдельными стопками были прикручены крылья и другие механизмы. Всё это было накрыто зелёными брезентовыми покрывалами так, что виднелись лишь лопасти от винтов.

Нас сопровождали в вагон с деревянными полками, где уже были расквартированы жёны лётчиков-офицеров с детьми. Дорога предстояла длинная, практически через всю бесконечную Россию и такой же бескрайний жаркий Казахстан. Поэтому у каждого пассажира было много чемоданов, корзинок, уезжали навсегда. Многие брали с собой самое ценное, нажитое нелёгкими годами после гражданской войны. Но большие скарбы составляли практически необходимые в далёких краях вещи. Вагон был захламлён, в таком уплотнённом месте дышать было практически нечем. А тут маленький ребёнок, едва начавший говорить и ходить...

Первые сутки прошли нормально, все пассажиры были знакомы друг с другом, поэтому в замкнутых условиях больших проблем в коммуникациях не происходило. По очереди бегали на станции за водой, помогали друг другу при необ-

ходимости.

На вторые сутки ни с того ни с сего у маленького Сержика, так ласково называли сына командира, началась какая-то болезнь. На весь поезд нашёлся один фельдшер, но и он ничего толком сказать не мог. Мамаши быстро отстранились от болезненной семьи, недавно ласковые и доброжелательные женщины смотрели на семью с больным ребёнком как на врагов народа. О помощи можно было забыть. Никто даже приближаться не хотел к Софье Михайловне. День ото дня Сержику становилось всё хуже и хуже. Лекарства и медицинская помощь, которую мог оказать поездной фельдшер, не помогали. Стало очевидно, что до конца поездки двухлетний мальчик не доживёт. Он несколько суток ничего не ел, лицо стало пепельно-серым, температура не спадала. При всём при этом Серёжа перестал говорить.

При пересечении границы с Казахстаном фельдшер объявил Софье Михайловне, что мальчишке осталось жить несколько часов. Вдруг Сержик начал произносить какие-то невнятные слова: «Корбаски, корбаски, очу корбаски...» По его интонации мать всё поняла. Но где её взять? Мамашки в вагоне отвернулись и с презрением и ненавистью смотрели в их сторону, у них воздуха не допросишься. Один выход, ждать очередной остановки.

В это время вдалеке показались глиняные дома, наклепанные один на один. Вокруг пустыня, покрытая белоснежным солевым налётом, изредка попадались израненные кустарни-

ки. Кое-где виднелись перевернутые баркасы. Поезд остановился в городе Аральске, что находится на берегу знаменитого высыхающего озера. Невыносимая жара и тяжёлый перегретый воздух мгновенно оцепили весь состав. На перрон никто даже не сделал попытки выйти. В вагонах было прохладней.

На станции оказался ресторан, в котором Софье Михайловне удалось купить немного конской колбасы, жёсткой, твёрдой и с не очень приятным запахом. Но как её давать больному умирающему мальчику, который несколько суток крошки во рту не держал? Софья Михайловна отрезала кусок такой, что его проглотить нельзя, но в рот Сержику он поместился. Мальчишка начал сосать этот горько-солёный кусок копчёного мяса. Глаза у Серёжки заблестели, появился легкий румянец на щеках. А через сутки мальчонку уже было не узнать. Он начал улыбаться. И только иногда повторял: «Хочу корбаски». Мама отрезала небольшой кусочек копчёности и помещала за щёчку малышу...

Когда через сутки в вагон пришёл фельдшер, он не мог поверить своим глазам, на него смотрело очень худое, но розовощёкое лицо Сержика, а рядом сидела счастливая мама.

Провидец

Эту историю мне рассказал дядя Серёжа, человек ребёнком переживший войну, смерть своего отца, военного лётчика...

Воинская часть моего отца, после переброски с прекрас-

ного местечка из-под Кировограда, расположилась в жаркой, бесконечно-ровной степи в Узбекистане. Место было безлюдным. Вокруг ни кишлаков, ни аулов. Дерево найти в этом месте было проблематично. Редкие небольшие кустарники, да море всевозможных колючек. Иногда к нам забредали вечные путешественники этих земель: ишаки и верблюды. Взлётную полосу оборудовали в солончаках. Самолёты укрывали тёмно-зелёными брезентовыми одеялами, которые на солнцепёке нагревались так, что можно об них было обжечь руки. Работать механикам в чёрных комбинезонах было нелегко. От повышенной температуры тело покрывалось испариной, а внутренняя часть амуниции от пота промокала так, что её можно было выжимать. Жара угнетала всех...

Зной донимал и женщин, которых разместили в нескольких километрах от воинской части, в небольшом лагере, состоящем из маленьких домиков, разбитых на небольшие комнатки. Хатки были сделаны из глины, так называемого самана, поэтому в них было прохладно летом и достаточно тепло зимой. Все здания были побелены грубой извёсткой. Издалека они казались выросшими посреди жёлтой степи белыми грибами. В таких грибах жили жёны военных со своими детьми. Редко, в основном в праздничные дни, лагерь оживал. На побывку приезжали мужья. Этот день для семьи был праздником. Стол накрывали сразу несколько семей, друживших между собой. Хотелось угостить чем-то

вкусненьким, свеженьким, домашним...

Так как вокруг лагеря не было ничего, то и продукты купить было негде. Редко приезжал полевой чипок, в котором было сплошное однообразие. Единственной радостью у хозяек стал старик-узбек, который раз в неделю привозил на тачке вкусные фрукты и овощи, да узбекский свежий хлеб и южные сладости. Продавец всегда был одет в одну и ту же одежду: серый затёртый ватный халат, подвязанный красным выцветшим поясом, на голове темная облезшая тюбетейка с кое-где оставшимся национальным орнаментом, на ногах чёрные пыльные кожаные сморщенные сапоги, со сбитыми и стёртыми каблуками. Лицо продавца было очень смуглым, покрытым большими морщинами. Узкие вдавленные глаза выдавали в нём мудреца. От него всегда пахло восточными пряностями и домашним очагом.

Женщины гурьбой набрасывались на привезённые угощения и с быстротой ветра скупали практически всё. Старик же был их главным глашатаем, привозил с собой последние новости, прочитанные в газетах или услышанные по громкоговорителю, установленному в ауле, рассказывал различные интересные истории из жизни односельчан, так что время, проведённое с узбеком, многие относили к положительной части проживания в невыносимой местности.

Конечно же, уши старика становились и последней инстанцией в тяжёлой неустроенной жизни дамочек, которые жаловались на неносные условия и на жесточайшую жару,

которая многих донимала больше всего, на назойливых насекомых, которые не давали покоя никому, а средств избавления от них в лагере не было. Старик же в ответ только усмехался: «Как вам повезло, как вам всем повезло!». Не могли понять женщины такого сарказма продавца и иногда в грубой форме ругались с ним, обращали внимание на его неграмотность и несмышленость...

Практически каждый приезд узбека сопровождался жалобами на зной, песчаные бури и огненное солнце, выжигающее всё пространство. Продавец выслушивал женщин, не перебивал их, а когда гневный запал заканчивался, повторял: «Как вам повезло, ой, как вам всем повезло!»...

Потом внезапно началась война, и в первые дни войны Кировоград был стёрт с лица земли немецкой авиацией. Город был в руинах, не осталось ни одного высотного целого дома, от бывшего воинского гарнизона не осталось ничего. Информация, которая доходила до военных в Узбекистане, была тревожной и печальной. Оставшиеся родственники и знакомые остались без крова, от красивых благоустроенных домов ничего не осталось. Военный аэродром превращен в усыпанную воронками землю.

И в это время женщины вспомнили продавца-узбека и его слова: «Как вам всем повезло!». А ведь реально «повезло»!

Две истории

У моих родных дяди Серёжи и тёти Томи отцы с первых дней войны ушли на фронт. Перед отъездом они оба пришли

попрощаться со своими семьями. Серёжа, которому в тот момент было четыре года, и тётя Тома, которой едва исполнилось три года, очень хорошо помнят эту последнюю встречу со своими папами...

До войны Борис, а именно так звали отца дяди Серёжи, был кадровым военным и не просто военным, а служил в лётном полку. Часть была боевой и лейтенанта Винокур, часто вызывали по тревоге. Время было напряженное, отдыхать было некогда. Часть базировалась в Южном Казахстане, вблизи города Чимкента. Как кадровый офицер Борис переезжал к месту службы и свою семью.

С первых дней войны полк должен был принять участие в боевых действиях. Последний вечер перед отлётом на фронт для семьи Винокур был счастливым. Папа в кожаном бушлате, черноволосый, молодой, улыбчивый, обнимал по очереди детвору. Серёжка, взгромоздившись на коленки, шарил ручками по папиному бушлату. Шоколадка, найденная в кармане кожанки, была поделена на кусочки и роздана детям. Счастливые от сладкого угощения дети повисли на плечах родителя. Только мама была печальной и грустной.

Ленинградский фронт, медаль «За Отвагу», ранение и госпиталь. Сначала один, потом другой. Ранения были страшными и несовместимыми с жизнью. Бориса перевезли в Чимкент поближе к семье. Детвору в больницу не пускали, а вот мама от кровати отца не отходила, так он и умер практически у неё на руках. Сладкая коричневая шоколадка

и красивое мужественное лицо отца остались в памяти Серёжи до старости...

Пётр – огромный мужчина, проработавший всё время на заводе, не отличался рвением и коллективным разумом. Человек, который своей силой и умом добивался поставленных целей. Так и в семье: глава так глава. Буквально всё держалось на нём. После объявления фашистами войны на сборном пункте сразу дали понять, что такие люди нужны фронту. Дали три часа на сборы и прощание с семьей. Дети: Тамара, девочка с рыжими красивыми волосиками, и Геннадий, парень весь в отца, крупный, смысленый, помнили последний день, как отец с мамой Аней собирали вещи, как долго прощались. Матери с двумя детьми на руках было несладко: сначала смену в шахте взрывником, а потом подручной разнорабочей в колхозе: кому дом побелить, кому огород вскопать, кому навоз убрать. Голод был дикий, а кормить детей нужно было. Тамарка, как могла, старалась помочь родительнице...

Петр прослужил всю войну рядовым. За боевые заслуги награждён орденом Красной Звезды. Прошёл с боями Украину, пол-Европы, и без единого ранения дошёл до Чехословакии, Все его ждали дома, ведь после победных салютов он должен был вернуться с фронта к своей семье, детям. Но Тамара своего папу так и не дождалась, больше она его никогда не видела... Он после войны женился на другой женщине, а старая семья осталась ему не нужна...

Дядя Серёжа и тётя Тома не видели после войны своих отцов, но память о последней встрече осталась навсегда. Они пронесли эти мимолётные воспоминания о последних мгновениях перед войной, проведённых со своими папами, через всю свою жизнь.

Спасительный д'Артаньян

Историю, написанную великолепным и непревзойденным Александром Дюма о героях-мушкетёрах, знают все с детства. Вся наша дворовая малышня мечтала быть похожим на д'Артаньяна. Из прутиков и крышек от банок мы делали рапиры и фехтовали друг с другом. Каждый мальчишка хотел спасти своего короля, у каждого была любимая девочка – Констанция и три закадычных друга девиз которых: «Один за всех, и все за одного!»...

Как спасти родителей, которые голодные, со страшными ранами лежат в госпитале? Вокруг война, тяжёлая, кровавая, беспощадная. Фашисты без суда и следствия расстреливают евреев, славян, коммунистов, офицеров Красной Армии. Еврейская семья: мать, отец и десятилетний сын, – долгие годы проживающая в Польше, еле унесла ноги от нацистов, помогли советские солдаты. На подводах и в теплушках добрались до Ташкента. Не обошлось без проблем. Родители получили тяжёлые травмы и попали в местный госпиталь. Иностранцы, еле-еле понимающие речь, израненные и голодные, не могли выжить без особого ухода. Врач без стеснения сказал десятилетнему подростку: «Хочешь, чтобы родители вы-

жили, приносит каждый день рис»

Парнишка был вынужден идти и воровать. Повезёт, принесёт врачу две миски риса, не повезёт, будет побит узбеками. Первый месяц жизнь по лотерее утомляла мальчишку, бегал он плохо, гематомы и синяки не сходили с тела. Но главная цель – спасти своих родителей, а значит любыми путями найти рис, несла подростка на рисовые склады и поля.

В один трудный день мальчишку снова поймали злые охранники, скрутили и волоком тащили по земле, но не успели избить, так как на них напала банда беспризорников. Отбитый у узбеков паренёк попал в хорошо управляемую местную группировку, которую возглавлял шестнадцатилетний Иван. Законы шайки были жестокие. За неповиновение могли убить. Всё, что наворовали и награбили за день, верхушка банды делила. Съестное поровну распределялось между всеми. Шмотки и драгоценности собирались в общаг.

В первый же вечер, вокруг костра малолетки рассказывали похабные истории и анекдоты. Мат и дикий хохот сопровождал действо. Чем глупее и извращённое история, тем более благодарна была публика. Внезапно главарь обратился к новичку: «Воровать ты не можешь, бегать тоже, давай рассказывай что-нибудь». Мальчишка, объяснил, что плохих историй не знает, но читал много исторических книг и мог бы их пересказать...

Всю ночь, не смыкая глаз, двести беспризорников слуша-

ли историю великого французского писателя о трёх мушкетёрах и д'Артаньяне. Десятилетний еврей, который выживал ради родителей, во всех красках, жестах и пантомимой, на ломанном русском языке, рассказывал о подвиге героев с рапирами, о подлых деяниях кардинала, о чести и дружбе, о любви и ревности, о смелых и отважных Атосе, Портосе и Арамисе... Никто не сомкнул глаз, вся детвора, открыв рты, в самых разных позах вслушивалась в историю. Костёр, оставленный без присмотра, догорел, и лишь красные яркие угли освещали пространство и счастливые лица беспризорников. Когда над горизонтом появилось солнце, а история подошла к концу, Иван со счастливой улыбкой сказал: «Ты хороший рассказчик, мы будем давать тебе рис, столько, сколько надо, только рассказывай!»

Последующие вечера были посвящены другим историям старшего Дюма о похождениях мушкетёров. Эмигрант из Польши пересказывал многонациональной воровской братии «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». Было всё: и смех и слёзы, и самодельные шпаги, разрезавшие воздух. Не было матерных выражений и похабщины. Бездомная детвора прониклась произведениями великого мастера.

Потом были пересказаны и другие интересные романы и рассказы, но настал момент, когда арсенал прочитанных книг у мальчишки был исчерпан и он начал придумывать свои истории.

Достаток риса сделал своё дело. Нашлись нужные лекарства, еды было достаточно, так что родители пошли на поправку. Вскоре их выписали. Паренёк вновь зажил своей счастливой семейной жизнью, но воровские вечера сделали своё дело... Мальчишка стал писателем...

Жить

Яркий сильный свет освещает палату реанимации. Громко раздаются звуки из постоянно работающего радиоприёмника. Пациенты, находящиеся на краю жизни и смерти, полностью голые и обессиленные с разными диагнозами и прогнозами, ведут свою, порою чудовищную борьбу за жизнь...

Мужчина поступил в бессознательном состоянии. Опрятная голова, чистое тело, выбритые щёки. Спортсмен и учитель, в его руках сборная района. Он мастер своего дела. Перед очередной игровой неделей решили отметить юбилей своего друга. Хорошо накрытый стол, только благородные напитки... Врачи суеются, промывают желудок, ставят капельницы... Тщетно... Напиток под названием «коньяк» оказался смертельным ядом...

Её привезли на скорой помощи и сразу перевезли в палату. Всё тело в страшных гематомах, спина изодрана в клочья. Лицо темно-фиолетовое от огромного синяка. Левая нога, местами свисала от переломов, упруго держась на одной коже. Периодически приходя в сознание, она бредила. Врачи буквально вытащили её с того света. Бандажи и металлические спицы спасли ногу, правильные инъекции вернули к сознанию. Она сильная женщина, ей нужно жить, на её плечах вся большая семья... В момент пробуждения пытается шутить и смеяться, над своим нелепым положением... Бы-

ло бы всё иначе, если бы не придумала себе занятие, обучить не обучаемую езде на автомобиле, под который сама и попала...

Этот мужчина большой начальник. Ему только перевалило за пятьдесят. Его знают по всему краю, он богат и властен, но его криков от боли вынести просто невозможно. Уколы и процедуры не спасают. У него последняя стадия рака позвоночника. Дикие вопли не влияют на окружающих потому, что большинство в бессознательном состоянии. Ор больного человека сменяется хрипом и тишиной... В этой светлой комнате все равны...

Паренёк, только что закончивший школу и решивший провести вечер с молодыми подростками, оказывается между жизнью и смертью. Эту гадость предложили товарищи, друзьями назвать их трудно. Консилиум врачей решает головоломку с большим количеством неизвестных. Парня спасут... В милицию не сообщат, чтобы не испортить дальнейшую биографию, ещё совсем юного человека... Этот случай станет ему большим уроком на всю жизнь...

От этого человека очень плохо пахнет, у него нет ни дома, ни родных. Его главный друг – это бутылка синюшной жидкости, но сейчас он находится между жизнью и смертью, потому что от белой горячки рухнул с крыши сарая, на который непонятно как попал. У него переломаны руки и ноги, сломаны рёбра и имеются трещины в позвонках. Он в сознании, гордо плюёт на пол красноватой слюной... Медсестрички,

не обращая внимания на поганое поведение пациента, вытирают за ним... Его жизнь никому не нужна, но врачи делают всё, чтобы этот вонючий, никчёмный человек продолжил свой непонятный путь к богу. И у них всё получается...

Жить. Просто одни очень хотят жить, но по воле случая и треклятого здоровья уходят в мир иной. Другие борются за свою жизнь, цепляясь любыми способами и пытками. Третьи постоянно испытывают судьбу на прочность, им безразлична жизнь, они проживают её опустошённо и бездарно... А как жаль, ведь мир, такой прекрасный, нуждается в людях, которые очень хотят жить!

Страх и ужас

Терроризм – неприятное и режущее слух слово. От него пахнет смертью и адом. Каждый день на нашей крохотной Земле происходят нечеловеческие события. Смертник взорвал автобус. Шахид врезался в толпу людей на огромном грузовике. Отморозки с ножами кинулись убивать туристов на мосту. Гибнут женщины, дети, старики, ни в чём не повинные люди.

Просто из-за того, что мир разделился на две большие и неравные половинки. Богатый мир требует спокойствия и умиротворения, а бедный вынужден нести жалкое существование. Вот и идут голодные, обманутые и одурманенные пропагандой исламизма людишки на смерть, чтобы как-то прокормить семью, детей, стариков. Не боятся гибели и внешних обвинений, чтобы выжить своей кровной братии,

нужно отдать свою жизнь, за небольшие деньги. Но эти гроши помогут выжить семье.

Сегодня ужас и страх перед этой опасностью нитями обмотал весь земной шар. От него не спрятаться ни в спокойной Европе, ни в полицейской Америке, ни в далёкой Азии.

Если ещё до не давнего времени террористы брали заложников, предъявляли какие-то требования, просили выкупы и выгоду, то сегодня всё иначе. Гибнут простые люди, зачастую, далёкие от войны и политических распрей и совсем не богатые.

Кому это выгодно? Очевидно, политикам и олигархам. Никто из них не хочет терять свои миллиарды, свою власть над простым народом, а для этого нужен ажиотаж, необходим враг, с которым всем миром будем бороться. Вот и текут денежные потоки в бедные страны, но только не на поддержку экономики и социальные программы, а боевикам и ублюдкам, у которых нет ничего святого: ни веры, ни духовности, ни родины, ни человеческой совести. Эти готовы на всё ради жалких грошей, на издевательства и эмоциональные показушные деяния, готовы нести смерть неверных иноверцев.

Сало

Как-то мои близкие родственники пригласили меня в гости в страну обетованную. Это была первая моя заграничная поездка. Конечно, хотелось сделать приятное моим израильским друзьям. На вопрос: «Что привезти в качестве гостинцев из России?», я получил однозначный ответ: «Ниче-

го не везти, кроме сала!»

Долго искал среди сотен образцов белоснежного с прожилками деликатеса, выбрал два куска по полтора килограмма. Продавец долго расхваливал свой товар, мне была рассказана полная технология выращивания хрюши, чтобы получить первосортное лакомство. Оказывается, чтобы получить тонкое сало с несколькими прожилочками мяса, нужно правильно кормить животное. Сначала две недели кормим на убой, затем неделю практически без корма гоняем по вольеру, затем снова две недели полноценного питания, и снова голодовка и физические упражнения. И вот получается красивое и вкусное лакомство. Главное – правильно посолить и сохранить. Вот на этом месте хозяин умолк, бросив напоследок, что технология засола семейная тайна.

Аккуратно сало было уложено в чемодан, упаковано так, чтобы можно было провести через границу. Наши пограничники вещи практически не осматривали, а вот в аэропорту Бен – Гуриона досмотр был тщательным, но искали вовсе не белое золото, а что-то другое. Так что преодолев все кордоны кусок сала попал в столицу Израиля.

Мои родственники жили в пригороде Тель-Авива, так что дорога из аэропорта до дома заняла несколько минут. После того, как вещи были распакованы и накрыт стол, на котором красовалась тарелочка с тоненькими ломтиками нарезанного белого деликатеса, начались чудеса.

В квартиру один за другим стали стучаться соседи, с един-

ственным вопросом: «Говорят, что к вам из России привезли сало, не дадите кусочек попробовать?». Можно было бы просто вспомнить поговорку: «Что его пробовать, сало, как сало!», но вдалеке от родины, каждый человек, говорящий на русском языке, становится очень близким. Нежно белые ломтики исчезали во рту пришельца, на лице появлялась счастливая улыбка: «Оно».

На моём лице удивление и непонимание. В стране, где есть всё, такое патриотическое чувство к простому куску солёной свинины. Мне было абсолютно неясно, почему фермеры не производят этот деликатес. Всё стало ясно после посещения магазина и дегустации белого чуда местного производства. Вкус словами передать сложно, что-то среднее между кокосовой стружкой и несладкой апельсиновой карамелью. Послевкусие безобразное. Но почему такой вкус?

Едем в местный кибуц, что-то напоминающее наш колхоз. Нам показали, как на святой земле выращивают свиней. И снова меня удивила технология. Свинюшки были небольшие, вся нижняя часть вольеров была в настилах из досок, оказывается, это нечистое животное не может ходить по земле. В кормушках горками были насыпаны апельсины и бананы. Оказалось, что эти для нас экзотические фрукты очень востребованы в кибуцах в качестве дешёвого корма для скота.

Нам стало понятно, почему израильское сало так сильно отличается от нашего белого золота. Как тут не станешь пат-

риотом!

Есть только миг...

Молния – удивительное природное явление. Человек к этому феномену относится с божественным отождествлением, пытается приручить, распознать. Но как говорится, природа берёт своё. И разряд с жестокой периодичностью метит в людей, как будто разъяренный Зевс золочёными острыми шпагами пытается отомстить за неверность человечества. А мы удивляемся, как так, в кого-то молния попадает несколько раз и человек остаётся живым и невредимым, словно заговорённый. А другой находился в метре от вспышки и пал наземь замертво.

Историй о попадании молний в людей и о человеческих судьбах, спасшихся каким-то волшебным образом, много. Их рассказывают и передают из уст в уста, как только темное, напитанное влагой небо разворачивает перед тобой удивительную цветоцветовую картину. Его озаряют мириады маленьких и огромных, ярких и едва различимых вспышек. Гром то стихает, то разоряется многобельными раскатами, которые то пугают, то завораживают. Порой ты восхищаешься многообразием и величием матери-природы, а порой хочется спрятаться от страшной и ужасающей стихии...

По посёлку прошёл слух, что во время грозы в поле побивало несколько коров. Слух-слухом, а дело было так.

Пасёт Саша-пастух коров, а на небе тучи сгущаются. Черноволосый, с кудрями до подбородка, непьющий и работа-

ций, всё село беззаговорочно доверило ему своих кормилиц. А он не промах, знает, где трава посочней и погуще, где водичка чистая как слеза, да где бурёнок можно спрятать от солнца и назойливых мух.

Рядом кобыла, старая и не прихотливая. Хорошо на лошадке стадо окучивать. Сашка плетью изредка щёлкнет, а они чувствуют силу, и за ним аккуратной вереницей выстраиваются. На очередном косогоре разнотравье, запах за полверсты можно учуять. Коровкам хорошо, щиплют траву не торопясь. Пастух рядом в кустах чаёк травяной попивает с чёрным хлебушком.

Но вот зарядил мелкий дождь, а небо засверкало искрами. Всё гуще тучи сгустились, да поплотней дождь обложил. Молнии и гром всё ближе да звонче. Хорошо плащ с собой. Накинул и словно в безводном царстве на лошадке стадо объехал.

А коровки, медленно пошагивая и не обращая внимание на погоду, делают своё бесконечное дело. Только небо яркими всплесками озаряется, словно цветопредставление на сельской дискотеке. Бурёнки в кучу сгустились, видно и им страшновато.

Александру как будто кто-то в ухо шепчет: «Слезь с лошадки, закури сигарету!» В такой дождь, курить не хотелось, но тут кто-то невидимый снова в плечо толкает: «Да спустись ты на землю, покури!». Так в голову всё это вбилося, что спустился пастух и даже пачку достал со спичками. Но в этот

момент в двух шагах от него шарахнула молния, так что бурёнки метра на полтора, а то и два от земли подпрыгнули. Успел Сашка к ним подскочить, но поздно попадали коровки замертво. «Спасибо тебе господи, что отвёл беду от меня», — нащупывая на груди иконку, прошептал Александр.

Успел пастух коровок свежевать, чтобы мясо не пропало и на полном ходу в посёлок к хозяйкам. Работа есть работа. Скачет во весь опор одной рукой за поводья держится, а другой иконку на груди сжимает. Молнии сверкают вокруг, бьют по деревьям, но не боится ударов Саша, с ним Бог.

Вот так в один миг небесные силы спасли человека.

Клубника

На заброшенном участке с нами поселился удивительный казах по имени Рахмон. Глаза у него большие, волосы как солома жёсткие, торчат в разные стороны. Кожа смуглая, словно смола на деревьях. Но улыбка ни разу не сходила с его лица. Казалось, что Рахмон — абсолютно счастливый человек.

Раз в неделю он появлялся на своей земле, привозил различного рода рассаду. В руках у него небольшой алюминиевый чайник с водой. Руками разгребёт траву, воткнет в землю кол, а потом куст клубники, чуть из носика чайника польёт, руками землю примнет и дальше высаживает. Так постепенно весь участок был мало-мальски облагорожен. Траву Рахмон не полол, за посадками сильно не ухаживал. Так из своего чайничка по чуть-чуть польёт раз в неделю и всё.

Удивительно, но вся рассада у него принималась. Трава

в полроста человека, а посереде её куст помидор, обвешенный ярко красными плодами или куст перца, с торчащими в разные стороны стручками. Но самой красивой была у него делянка клубники. Кусты разрослись, опутывая усами всё пространство и не давая сорной траве набраться силы. Такой вот зелёный ковёр из треугольных листочков и длинных нитей, кое-где прижимавшихся к темной земле, сотканный природой и хозяйственным Рахмоном. В июне кусты налились большими красными ягодами и на фоне заросшего участка радовали своей плодовитостью. Красно-зелёная делянка была видна из-за забора и радовала взгляд любого проходящего мимо человека.

Однажды утром к участку Рахмона подъехал микроавтобус, а из него вывалилась большая казахская семья, женщина и несколько детишек, в возрасте от шести до двенадцати лет с вёдрами и чашками, они набросились на делянку клубники. Среди сборщиков соседа не было, и мы заинтересовались, кто разрешил собирать ягоду? Нам пояснили, что они близкие родственники хозяина делянки и у них есть разрешение на сбор урожая. Процедура сбора была скоростной, нужно было видеть как ловко и умело работали люди-родственники. В их движениях была какая-то небрежность, они не жалели кусты и втапывали их в землю. За минут десять вёдра и тазы были наполнены и мгновенно погружены в транспорт. От красно-зелёного ковра ничегошеньки не осталось, кое-где лишь выглядывали пропущенные крас-

ные ягоды. Пылью и рёвом двигателя закончилась наша встреча с незваными гостями.

Мы занялись своими традиционными делами и уже забыли о происшествии, как к своей делянке подъехал Рахмон с детьми. На лице у него было изумление и удивление от вида на участок с клубникой. Мы рассказали о случившемся и о близких родственниках, которые опустошили огород. Впервые у казаха исчезла улыбка с лица. Оказалось, что нет у него никаких родственников. Он полный сирота и единственные родные ему люди – это его дочери, которые в этот миг находились рядом с ним.

Девчонки, которым было лет по десять, прижались к своему отцу. На их лицах были улыбки, озаряющие какое-то умиротворение. Рахмон прошёл по грядкам собрал несколько горстей вкусной ягоды, которые из-за своей быстроты пропустили воры, помыл её из своего старенького чайника и угостил своих родных.

Даже печальное событие не смогло омрачить счастье этой небольшой казахской семьи. Девчонки, вымазавшись клубникой, радовались жизни. Они, смеясь, прижимались к отцу и были счастливы летнему солнцу, горстке сладкой клубники и любимому человеку, который всем своим видам излучал любовь и доброту.

На пробу

Говорят, что бесплатно можно съесть только сыр в мышеловке, но в наше время существует много способов попро-

бовать что-нибудь бесплатно, так сказать взять на пробу...

Эта история произошла жарким летом, когда один очень хороший продюсер вокального ансамбля позвал меня поехать на берег Чёрного моря вместе со своим детским коллективом. Так как мы часто ходили в горы и легко управлялись с детворой, решили не наказывать своим присутствием местные гостиницы, а остановиться на берегу дикарями, чтобы попеть под гитару песни, посидеть вечерочком у костра, вдоволь накупаться и ни от кого не зависеть.

Заказали автобус, загрузили вещи и продовольствие и отправились в Джубгу. На месте быстро развернули лагерь, организовали хороший бивуак и отправились к морю, которое находилось метрах в трехстах от нас.

С нами заковылял и водитель. Описать его сложно. Таких людей на свете немного, нам показалось, что всё, абсолютно всё его раздражало. Всю дорогу он ворчал на жару, на несносных и заносчивых шофёров легковушек, периодически подрезавших нас, на убитую тяжёловозами дорогу, на нас, вечно капризных и неугомонных, на пыль, витающую столбом по автобусу. Это был очень упитанный, грузный, с узким лбом мужчина средних лет. На голове у него были сбиты клоками редкие волосы. Рубашка небрежно застёгнутая, кое-где через пуговицу, была засаленной, местами подранной. Брюки тёмно-синего цвета тоже были не первой свежести и ожидали вместе с рубахой скорой стирки. Шлёпанцы были одеты на носки и выглядели убого. На паль-

цах рук красовались какие-то нелепые наколки. Всё говорило о том, что в его доме давно отсутствовала сильная и крепкая женская рука. Речь у него была не связной, и иногда понять его было очень сложно. Но бранные словечки периодически проскальзывали, и нам с моим товарищем приходилось делать водиле замечания, на которые тот реагировал не совсем адекватно. Наши школьники ему не нравились, и все их шалости перерастали в мелкие распри и конфликты между ним и девочками. Мы сделали вывод, что и с детьми в семье нашего водителя были упущения.

Когда мы отправились купаться, он увязался за нами. Тропинка к морю вела через небольшой рынок, который вытянулся вдоль автотрассы. Торговали в основном бабушки всякими продуктами со своего огорода: фруктами, овощами, напитками и закрутками. Товар не отличался многообразием, поэтому и цены были не очень высокими. Закупив мороженое и ягоды, мы продолжили свой путь. А водитель остался.

Оказалось, что у каждой продавщицы за прилавком было домашнее вино, и они предлагали покупателям бесплатно его продегустировать. Для этих целей у них были заготовлены небольшие пластиковые стаканчики, и в них они наливали по пятьдесят грамм своего волшебного напитка. Наш водитель смекнул, что можно пробовать у всех, и не платить за это деньги, резво принялся за дело, только вот сил своих не рассчитал. Вино оказалось очень пьяным, а бабу-

шек-продавщиц очень много. Дойдя до середины ряда, наш ворчун опьянел, упал в кусты и уснул. То ли его сморило неизвестного происхождения вино, то ли южная изнуряющая жара, то ли долгая утомительная дорога. Но в этот день он так до моря и не дошёл, не пришёл он и в лагерь. Вечером его девчонки видели шатающимся за дегустацией вина оставшейся половины ряда. Не дошёл он до моря и во второй день, и в третий. Вечером мы нашли его в кустах практически не живого, от него разило перегаром и южным ароматом кустов. Посиневшего от винного зелья, дотащили его до автобуса, отмыли от пыли и грязи и уложили спать.

Утром он долго не мог проснуться. Девчонки потешались над ним, взяв фломастеры и маркерные карандаши, украсили его лицо различными линиями и рисунками. Получилась раскраска не хуже чем в фильмах про индейцев. Творчество детей так раззадорило, что они, не долго думая, украсили и свои физиономии цветочками и ягодками. Мы потихоньку собрали вещи, разобрали бивуак и приготовились к отъезду. Но наш водитель не мог в таком состоянии ехать. Пришлось нам ждать, когда он придёт в себя. Мы несколько раз ещё сходили на море, искупались. Еле-еле к обеду он оклемался, выпил литра полтора холодной воды, окатил себя из ведра и сев за руль скомандовал: «Поехали!»

Мы попрыгали на свои места и долго ещё не могли остыть, смеялись и шутили над боевой раскраской нашего шофёра. Он, ничего не понимая, завёл транспорт и вырулил на до-

рогу. Жара быстро разморила всех, и мы тихо заснули. Нас разбудила внезапная остановка, мы встали около патрульной машины ДПС.

Водитель снова не понимал, почему над ним смеются полицейские, оскорблённый и обиженный, он психовал. Слава богу, что наш продюсер смог служителям порядка объяснить, что дети пошутили, что это была просто игра в индейцев. Благо полицейские смотрели американские и немецкие вестерны о борьбе краснокожих с бледнолицыми, и отпустили нас восвояси. Только попросили, чтоб водитель убрал со своего лица угрожающую индейскую раскраску.

Дальше было ещё смешнее, водитель увидел своё лицо в зеркале. Такого мата я никогда не слышал до этого и после этого случая! Конечно, раскраска от цветных фломастеров не смылась с лица нашего героя, он в ярости вернулся за руль автобуса, и мы продолжили путь в полной тишине. Водитель с нами больше не разговаривал, что-то бурчал себе под нос, но на наши просьбы и извинения не реагировал.

Мы пели весёлые песни, вспоминали смешные истории, играли в крокодила. Так незаметно пролетела наша дорога. Когда мы остановились около студии, все девчонки хором сказали водителю: «Большое спасибо!» и по очереди извинились перед ним. Наивность и трогательность минут расставания растопили сердце ворчуна-водителя, он улыбался, глядя на разрисованные детские лица, а потом даже согласился развезти нас по домам.

Семейная жизнь!!!

Историю эту мне рассказал один большой человек, истинный казачок со всеми подобающими повадками. Перед армией вышло так, что он женился. Жена молодая, красивая...

Утром нужно было собираться в дорогу, последняя ночь с молодой супружницей, да вот незадача, отец со смены пришел, да и мать оказалась в отпуске.

Его родители всю жизнь работали на железной дороге. Работа тяжелая, с утра до ночи. Станция узловая и поезда, особенно ночью проходили часто. Бывало так, что через 3—4 минуты «тыгдым-тыгдым».

Дом стоял метров в пятидесяти от путей. Поэтому вся жизнь под «тыгдым-тыгдым».

А дома того времени особенные, межкомнатной дверкой служила зановесочка на веревочке, да и все комнаты проходные. Поэтому ночью ложась спать, со своей молодой женой, нужно было быть внимательным, а то не дай бог... услышат.

Вот он только приноровился и ждет проходящего поезда. «Тыгдым-тыгдым» начало положено ждет следующего поезда. Дело молодое, 5—6 поездов и дело как говорится в шляпе, перекур.

Гуманитарная помощь

В студенческом общежитии все общее. Если захочешь поесть, а в комнате у тебя шаром покати, можно пробежаться по комнатам и вечером в кругу друзей отведать различные

молодежные деликатесы. Благо, что большинство ребят приехало из селений и деревень.

Так как наша страна в конце восьмидесятых, начале девяностых находилась в глубоком кризисе, то наши друзья из-за океана помогали нам, чем могли. Прилавки в магазинах были пустые, кроме туалетной бумаги и спичек, покупать было нечего. Так в определенное время наш профсоюз разыгрывал продукты питания американского производства, чтобы мы хоть как-то могли выжить.

Кому везло, уносил с собой кофе или заварку, консервы или вермишель. Однажды повезло и мне. Я выиграл сразу пять банок тушенки. Банки были очень необычные и сильно отличались от наших. Во-первых, на крышке было специальное кольцо для быстрого открывания. Во-вторых, по размеру банки были не очень большие. И, в-третьих, на этикетках были нарисованы кошечки и собачки.

Если с первыми двумя пунктами было все понятно. То вот третий нас сильно смущал. Предположений было много, но все они были одно чудовищнее другого. Решив, что если на тушенке Анкл-Бенц нарисован мужчина с темной кожей, это нисколько не означает, что содержимое в банке каким-то образом связано с его телом.

Итак, в сковородке шкварчит картошечка, запах лучка с салцем охватило весь коридор, голодные студенты в ожидании американского чуда столпились у плиты. Все готово, последний штрих и тушенка плавно опускается в наше вели-

колепное блюдо. Запах, конечно, нас поразил. Но предположив, что наши вкусовые пристрастия могут отличаться от заокеанских партнеров, мы принялись лопать приготовленное.

Послевкусие было тревожным. Еще два дня по общежитию летал запах заморских консервов, а мы все дружно чистили зубы, чтобы хоть как-то удалить этот отвратительный привкус. Еще долго наша дружная общажная братва вспоминала эти банки с неизвестной начинкой.

Прошло несколько лет, история эта потихоньку улетучилась из моей памяти. Однажды случайно, проходя в магазине мимо отдела с аксессуарами для братьев наших меньших, кошек и собак, увидел баночки из своего счастливого прошлого. Они ничем не отличались от гуманитарной американской помощи. Оказалось, что мы употребляли еду для кошек и собак. Душа весело издевалась над моей безграмотностью.

История про большую банку со сгущёнкой

Американская помощь была многообразной. Однажды мне подфартило. И в качестве гуманитарной помощи голодающему российскому студенту была вручена огромная блестящая жестяная тяжёлая банка, без этикеток, наклеек и других опознавательных знаков. Мы сразу решили, что либо там сгущённое молоко, либо тушёная свинина или говядина.

Так как у меня намечался маленький юбилей, должно было стукнуть двадцать лет, то решили сокровище побереечь, до этого события. В магазине мы удачно приобрели несколь-

ко бутылку спирта «Абсолют», с собой прихватили пятикилограммовую банку западной помощи, на всякий случай пачку какой-то крупы.

Праздник отмечали с размахом на большой поляне на реке Казыр. Добирались сутки на электричках, потом пехом еще километров десять, но как говорится, для бешеной собаки и семь верст не крюк. Поставили палатки, разожгли костер, разлили компот. Солнце печет, лето все-таки. К вечеру подтянулся народ, пора готовить настоящие блюда. Вот тут-то и пригодился гвоздь сезона. Достаю баночку, на солнышке она блестит, переливается, огромная такая.

Берем нож и отрезаем горловину, аккуратненько так, чтобы ничего не разлилось, не вытекло. Сгущёночка, тушёночка... Смотрим, а там мешок с белоснежной мукой и книжечка на английском языке, как приготовить десять разных пудингов.

Настроение у всех пропало, спирт есть, закуски нет! Такой день рождения испортила фальшивая гуманитарная помощь.

Спасибо находчивым девчонкам, которые не растерялись и быстро наварили из этой муки сделанные наспех галушки. Закусь получилась отменная, гуляли до утра. Встретили рассвет и на катамаранах, окунувшись дико больной головой в холодную воду, пошли домой.

Такого дня рождения у меня больше не было никогда: горная река, море друзей и подруг, непроходимая тайга и огром-

ная банка гуманитарной помощи!

Демократия

Закончилась тяжелая командировка на форум учителей в Московскую область, приехал домой после полуночи. Семья уже спит. Быстро умылся, выпил чашку чая и тоже прилег. В два часа ночи раздался телефонный звонок. На связи был руководитель министерства образования региона. Не успел открыть рот и сказать несколько приветственных слов, как услышал тираду негативных и жестких выражений в свой адрес. Меня по телефонным маловольтовым проводам несколько раз пытались уволить, оскорбить, обвинить в чудовищных грехах и обстоятельствах. Монолог начальника продолжался больше двух часов. Разговор переходил в крик и визг, мне приходилось просто слушать и молчать, не мог вставить ни слова, ни реплики.

На расстоянии со мной расправлялись и все из-за статьи, которую опубликовали в одном федеральном издании под заголовком «Реформы – гильотина для сельской школы». Хорошая публикация с аналитическими выкладками, без указания школ, фамилий, регионов, подписанная мною – учителем, вывела руководителя такой нравственной сферы региона из себя. Мое мнение на события, происходящие в системе образования страны, накалило докрасна все социальное управление.

Утро началось с постоянных звонков, упреков. Причем большинство начальников, которые пытались нагрубить

и высказаться, даже не читали статьи, просто им позвонили и приказали расправиться с негодным училишкой. Те же, кто ознакомился с написанным, не понимали паники и агонии высокого начальства. Были сочувствующие, но были и те, кто откровенно и честно поддерживал меня. Их было мало, но это были самые порядочные люди. Среди горлохватов в основном были руководителишки, которые поворовывали и боялись потерять насиженное местечко. Они то больше всего и кичились: убрать, растоптать, стереть в порошок.

Потом было совещание, на которое собрали всех руководителей организаций образования, со всех маленьких и больших школ, детских садов и училищ, и, ссылаясь на выдержки из статьи, доказывали свою правоту, обличая меня в унижении системы региона, только все тезисы сводились в итоге к моей правоте, то есть результат получился обратным. Ты не прав только потому, что должна быть права система.

Меня отстранили от всех поездок по стране, лишили всех доплат и премий. На район роем накинудись проверяющие, страдали мои коллеги. В душе было страшное смятение: сдаться и уйти или работать, ведь за тобою коллектив и дети-школьники.

Приглашение на работу из других регионов сыпались пачками. Можно было бросить все и уехать, но столько сил и стараний было отдано школе, что терять полжизни из-за диктатора руководителя не хотелось.

Прошли годы. Старые и дряхлые управленческие кадры сменили новые прогрессивные. За что ещё несколько лет назад меня ругали и уничтожали, стало нормой и программой существования многих хороших образовательных организаций. Только вот осадок от такой демократии остался.

Бражка

В далёкой сибирской деревне живет мой дядя. Зовут все его дядь Саша. Он необычайно талантливый человек: все может смастерить и сделать. Руки золотые. Работал на водокачке, целый день нужно было следить, чтобы насосы не выключались. В общем, ещё та работка, времени свободного уйма, вот и заходили к нему жители с различными просьбами. Пользовались услугами умельца во всей деревне, ну а оплата традиционная для сельского быта – самогоночка.

Какую только самогонку не гнали в деревне. На каких только ингредиентах не настаивали бражку, химики и алхимики позавидуют экспериментальным способностям русского мужика. Одна беда: сельский участковый, который от хаты к хате бродит, всё вынюхивает, да выпрашивает, а если найдет брагу, то фляги на улицу и всю живительную влагу на землю. Поэтому прятать приходилось от назойливых глаз народного инспектора.

У дяди Саши тоже были свои хитрости в приготовлении самогонки, только вот бражка часто не доживала до перегонки. После «очередного» рабочего дня, с похмелья дядя выпивал кружечку другую в качестве лекарства от головной

боли. Так в течение нескольких дней от молочной фляги алкогольного напитка оставалось чуть да маленько.

С бражкой носились как с писаной торбой. Прятали ее по чуланчикам, шкафчикам, комнаткам, так чтобы у участкового даже мысли не было там ее искать. Главное – не забыть на момент проверки флягу закрыть, а после открыть.

В один летний день в дом к дяде Саше пришел участковый. Заблаговременно тара была закрыта и спрятана глубоко в шкафу от посторонних глаз и носов. Запаха готовящегося зелья и в помине не осталось, всё было увлажнено одеколонами и духами. Милиционер, обходя комнату за комнатой, нюхал ароматы, зорким взглядом окидывал углы, прикроватные стойки, заглядывал под кровати, но ценного имущества обнаружить так и не сумел. Уходить с пустыми руками не хотелось и законник, то и дело задавал вопросы. У дяди и так мозги в этот момент работали плохо, а тут ещё и с нервами не справился, говорил всякую ахинею. Так слово за слово участковый попросил пройти дядь Сашу с собой в отделение.

На обратном пути встретился с друзьями, выпили, закусили, так на бровях еле-еле до хаты дотелипал. А дома жена, разъярённая плохим видом хозяина, набросилась. В общем, забыли все про бочонок с бурлящей жидкостью в шкафу.

А тут и ночь на дворе. Легли спать. Только уснули. Как шарахнет в шкафу, аж стёкла из сервантов посыпались и двери вылетели. Впечатление такое, будто бомба взорвалась.

А у дяди Саши из русских слов только предлоги и междометия, всё остальное сплошные матерные жаргонизмы. Уши участкового горели, наверное, в этот момент зорькой ясной.

Так остался дядя Саша и без бражки и без одежды. А участковый с тех пор хату мастерового обходит за три версты, боится, наверное, очередного взрыва!

Законы

Интересная история у нас приключилась во время поездки по одной из учебных программ в США. Отработав программу, мы готовились к перелёту домой, но без сувениров и подарков родным и близким возвращаться не хотелось. Но как это бывает, все магазины и прилавки американских магазинов завалены китайскими и тайваньскими вещами, а истинно американского, кроме сигарет, ничего и нет.

Мы обратились за помощью к нашим гидам с просьбой оказать помощь нам в этом вопросе. Оказалось, что в штате Кентукки, а именно в нем мы пребывали последнюю неделю, производится бурбон к местным известным скачкам.

Мы приступили к поиску напитка. Но оказалось, что спиртные напитки можно приобрести только в специализированных магазинах. Мы направились в такое учреждение. Наши фантазии растворились, как только мы вошли в огромное помещение с длинными уходящими в бесконечность прилавками, полностью заставленными бутылками.

Мы увидели все цвета и оттенки радуги, такие жидкости были разлиты в маленькие и большие бутылки. Каждый

производитель пытался изощриться не только качеством напитка, но и оригинальностью этикетки, производением тары. Здесь были представлены алкоголь со всего мира в соломенных флягах и резных деревянных бочонках, целые произведения искусств и бутылки ручной работы. Но нам нужен напиток любителей скачек, американская легенда, главный приз наездникам, настоящий на истории и легендах.

В огромном магазине мы нашли лишь одну полку с необходимым нам сувениром. Правда упаковка бутылок была оригинальной. Часть бурбона была в тряпичных необычных мешочках, другая – в светло-коричневой твердой бумаге. Взяв по нескольку бутылок и уложив их в тележки, мы показали к кассам.

На кассе у меня попросили паспорт, благо все своё нашу с собой. Процедура опознания прошла быстро. Оплатив покупку, я ждал своего товарища. Но на кассе произошло какое-то замешательство, к нам подошли охранники. Заикаясь и пытаясь объяснить свою правоту, коллега пытался расплатиться за товар, но деньги у него не брали, а требовали документы.

Переводчица нам быстро пояснила, что без паспорта напитки ему не продадут. Я решил помочь своему товарищу и подошел к кассе со своим паспортом. Но тут началось невероятное. Охранник, забрал мою тележку с бурбоном, закатил его за прилавок и потребовал покинуть магазин. Наш гид объяснила, что если мы не покинем алкомаркет, то со-

трудники вызовут полицию и мне грозит наказание за попытку приобрести алкоголь моему товарищу, не имеющему документов. Конечно же, мы покинули заведение, сильно расстроившись и упустив момент приобрести американские подарки.

Вечером перед вылетом наши переводчики и сопровождающие привезли нам в аэропорт несколько бутылок кентукк-ийского бурбона. Мы были счастливы от сбывшейся мечты, подарить родным чуть-чуть Америки.

Честно говоря, вся наша история с покупкой напитков оказалась поучительной. Закон превыше всего. Но сам бурбон оказался на вкус хуже самой паршивой самогонки. Так что американское не значит лучшее, если это не касается исполнения законов!

Жадность не порок?

Везет бабулечка на тачке три мешка соли, еле-еле передвигается. Спрашиваю, зачем вам столько соли, она стоит копейки. А бабушка в ответ: «Кризис сынок, соли в стране на всех не хватит. Вот и запаслась я впрок. По телевизору сказали, что повторится соленой бунт». Однако не понятно. 150 кг соли, сколько же времени нужно, чтобы её израсходовать?

Захожу в магазин, а с прилавка сметают гречку. «Не урожай, – говорят, „на всех гречки не хватит. Срочно нужно покупать, а то останетесь без крупы“».

Наша жадность и экономическая безграмотность часто

делает нас заложниками ситуации. Расскажу вам интересную и поучительную историю, которая произошла с нами в поезде при пересечении границы с Казахстаном.

Стоим мы на пограничном пункте. Мимо ходят полицейские, пограничники и таможенники. Все высматривают, документы проверяют, спрашивают, что везем, куда едем. Работа тяжелая, люди все смотрят из-под бровей. Кому охота свои баулы тормозить?

Только закончили свою работу люди в погонах, к вагонам ринулись местные жители с сумками и ящиками. Нас, пассажиров, из вагонов не выпускают, только двери открыты. А в дверях товары на любой вкус: шоколад в национальных обертках, прозрачные сладости, дыни торпеды, печёная самса и знаменитый казахский коньяк.

Мы с отцом решили прикупить пару бутылочек для родственников, к которым мы ехали. Сосед увидел нашу покупку, начал расспрашивать о цене, о качестве. Мы объяснили ему все. Сосед порылся по сумкам и пошел торговаться. Идет, улыбается, в руках четыре разных бутылки. Сбросил по сотне на бутылке, счастливый. Посидел, подумал, смотрим опять в тамбур побрел. Не проходит и минуты. Идет, тащит еще четыре бутылки, и говорит: «Представляете по сто пятьдесят взял!». Через несколько минут, кто-то сказал, что можно купить по сотне за бутылку. Сосед заерзал и через мгновенье полетел за новой покупкой. Довольный и удовлетворенный парень нес еще несколько бутылок казахского на-

ционального напитка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.